

«Связи между византийским и болгарским искусством в XIV в.»; Э. С. Смирнова. Трактовка мотивов позднепалеологовского искусства в новгородской иконописи конца XIV в.; О. С. Попова. Московские миниатюры конца XIV в. и их взаимосвязь с византийским и южнославянским искусством; Г. В. Попов. Периодизация русско-балканских связей XV в. по материалам живописи.

Наконец, назовем некоторые доклады, в которых исследовались вопросы истории греческой культуры после византийского периода, связи Греции и России: А. Караганассис (Греция). Греческая община Венеции и ее связи с балканскими странами; Л. Врануссис (Греция). Греческие типографии и книги (XV—XIX вв.); К. Папулидис (Греция). Константинопольский патриарх Серафим и Россия; Г. Л. Арш. Россия и греческое просвещение начала XIX в.; Г. Статис (Греция). Иоасаф Рыльский и его «Εἰρηνησις»; М. Муцопулос (Греция). Морфология после византийских надписей Греции.

Б. Ф.

Х ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВИЗАНТИНИСТОВ В МОСКВЕ

С 3 по 5 ноября 1975 г. в Москве проходила X Всесоюзная конференция византинистов, организованная Отделением истории АН СССР совместно с Институтом всеобщей истории АН СССР. Ученые из Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Еревана, Свердловска, Волгограда, Севастополя, Краснодара, Тюмени заслушали и обсудили 50 докладов, отражающих основные направления исследовательской работы советских византинистов за 4 года, прошедших со времени IX Всесоюзной сессии в Ереване (май 1971 г.). Работали секции: 1) «Внутренняя история Византии», 2) «Византия в системе международных отношений», 3) «Литература и язык, вспомогательные дисциплины и источниковедение».

Со вступительным словом к собравшимся обратился академик-секретарь Отделения истории АН СССР Б. А. Рыбаков. Он отметил большие успехи, достигнутые советским византиноведением за прошедшие годы и важность расширения фронта византиноведческих исследований. От имени всех присутствующих Б. А. Рыбаков тепло поздравил председательствовавшего на пленарном заседании 3 ноября академика АН Груз. ССР С. Г. Каухчишвили с 80-летием. Глава грузинского византиноведения, С. Г. Каухчишвили (Тбилиси) выступил с докладом «Происхождение греческого романа «Варлаам и Иоасаф», где привел новые аргументы в пользу принадлежности перевода романа на греческий язык Евфимию Ивиру.

С обстоятельным докладом «Типологические особенности византийского феодализма» выступила З. В. Удальцова (Москва). Широкое сопоставление развития Византии и стран Западной Европы позволило докладчице уточнить критерии типологии и выявить направление эволюции и динамику феодального строя в Византии. Основными характерными чертами византийского феодализма были: 1) наличие в Византии развитой безусловной частной собственности на землю; 2) существование государственной поземельной собственности (хотя, как считает З. В. Удальцова, преувеличение ее масштабов было бы ошибочным); 3) длительное существование в империи крепкой сельской общины свободных, хотя и платящих налоги государству, крестьян; 4) относительная незавершенность иерархической структуры земельной собственности и ограниченность иммунитетных прав феодала; 5) сравнительно медленные темпы складывания феодальной вотчины; 6) отсутствие поляризации города и деревни, хотя динамика исторического развития постепенно приводила к преобладанию деревни над городом в поздневизантийский период (существенное отличие от западноевропейских государств). В докладе была предпринята интересная попытка определить черты социальной стратификации византийского общества, организации государственного управления, церковного строя, военного дела. Впервые как типологическая особенность было глубоко проанализировано своеобразие классовой борьбы за все время существования Византийского государства. По мнению исследовательницы, крестьянские движения в Византии были почти всегда одновременно направлены против государственного аппарата и представителей военно-феодальной знати. Нередко кре-

стьянские движения были связаны с борьбой за императорский престол. В истории Византии прослеживается постоянная смена ведущей роли то городских, то крестьянских восстаний: если весь ранний период проходит под знаменем более организованных городских движений, то средневизантийский период наполнен широкими антифеодальными выступлениями крестьян. В последние столетия византийской истории вновь наблюдается интенсификация городских движений, впрочем, ослабленных общим упадком византийских городов.

В докладе *К. А. Осиповой* (Москва) был дан анализ процесса образования византийского феодально-зависимого крестьянства. Отличительные особенности этого процесса докладчица усматривает в том, что в его ходе в ряды феодально-зависимых крестьян вливались унаследованные от рабовладельческого периода различные категории зависимых людей, государственные парики; однако основным источником формирования феодально-зависимого крестьянства была сельская община, долгое время успешно противостоявшая натиску и централизованного государства, и феодальных сил. Докладчица обратила внимание на институт присельничества как форму расслоения общины, показала двойную роль государственной власти в процессе феодализации. По ее мнению, развивавшийся медленными темпами процесс консолидации класса феодально-зависимых крестьян так и не достиг окончательного оформления.

Заседания секции «Внутренняя история Византии» начались вечером 3 ноября докладом *В. В. Кучмы* (Волгоград) «К вопросу о социальной сущности «революции» Фоки (602 г.)». Автор полагает, что правление Фоки не было отклонением от общего направления развития империи, а напротив, представляет собой один из самых ускоренных этапов этого развития в эпоху разложения рабовладельческой формации. Докладчик поддержал мнение *М. Я. Сюзюмова* о том, что правительство Фоки выполняло объективно прогрессивные функции. Важнейшим следствием рассматриваемых событий было увеличение удельного веса свободного крестьянства, укрепление общины. В значительной мере успехами своей реформаторской деятельности Ираклий был обязан разрушительной энергии Фоки: «общая высота сооружения, воздвигнутого Ираклием, включает в себя и глубину рва, вырытого Фокой старому режиму».

Проблема ветеранов в ранневизантийском законодательстве была рассмотрена *Г. Е. Лебедевой* (Ленинград). В IV в. ветераны составляли значительный и привилегированный слой плебейского населения империи. Благодаря раздачам им городской территории укреплялся слой состоятельных плебеев. До конца IV в. ветераны оставались существенным резервом пополнения сословия куриалов. Однако в ветеранском землевладении правительству не удалось создать прочную основу пополнения армии. Со второй половины IV в. прекращается обязательное наделение ветеранов земель, падает значение этого слоя в местной и муниципальной жизни. Законодательство VI в. уже не уделяет существенного внимания ветеранскому землевладению.

А. С. Козлов (Свердловск) охарактеризовал политическую оппозицию в Византии в конце IV в. Автор выясняет социальную базу правления Руфина (столичная аристократия и верхушка крупных городов) и силы оппозиции. Основу последней составляла верхушка армии. В падении группы Руфина были заинтересованы и народные массы Константинополя.

Общезвестна роль крупных имений конца V—VII вв. в социально-экономической истории византийского Египта. В своем докладе «У истоков крупного землевладения в Оксиринхе» *И. Ф. Филман* (Ленинград) впервые собрал и проанализировал папирологические данные о зарождении крупного землевладения в III—первой половине V в. Этот материал показал, что на смену муниципальной аристократии и римской бюрократии постепенно приходят новые землевладельцы, устанавливающие иные отношения с держателями.

Ряд докладов был посвящен разным аспектам внутренней истории Византии IX—XI вв. *Г. Г. Литаврин* (Москва) обратился к рассмотрению роли государственных крестьян в империи в X—XI вв., детально разобрав одну из важнейших проблем экономической истории Византии. Докладчик критически пересмотрел представления ряда ученых о крестьянах-димоснариях.

Р. А. Наследова (Москва) выступила с докладом «Взаимоотношения македонских славян с Византией и Болгарией в IX—первой четверти X в.». В процессе быстрого роста могущества Болгарского государства, последнее вошло в соприкосновение со славянами, населявшими византийскую провинцию Македонию. По мнению докладчицы, славянское население подвластных Византии областей в силу этнической близости тяготело к Болгарскому государству. Но классовая политика болгарской правящей верхушки, приходившей на помощь Византии для подавления тех выступлений славян, которые носили антифеодальный характер, а также усиление феодального гнета в самой Болгарии, ослабляли этот фактор. Внутренние процессы социально-политического развития македонских славян вплотную приблизили их в IX в. к созданию территориальных княжеств. Однако болгаро-византийские войны IX—начала X в. привели к разобщению славянского населения византийской Македонии, к потере им остатков политической самостоятельности.

Важные дополнения к «Каталогу моливдовулов» *Б. А. Панченко* сделала *В. С. Шандровская* (Ленинград). Проведенная реставрация моливдовулов из коллекции РАИК позволила выявить ряд разночтений, касающихся как личных, так и родовых имен, а также титулатуры владельцев печатей. В частности, обнаружена печать Григория Аршакида, отождествляемого докладчицей со знаменитым ученым-энциклопедистом и военным деятелем XI в. Григорием Магистром, выявлено новое чтение надписи, называющей анфипата, патрикия и стратига Сасуна Вигена. Ряд родовых имен на печатях прочтен *В. С. Шандровской* впервые.

Доклад *К. Н. Юзбашяна* (Ленинград) «Переписка Фотия с армянами» был посвящен анализу двух посланий известного патриарха, дошедших не в переводе на армянский язык, а в греческом оригинале. Докладчик показал, что попытки Фотия обратить Армению в лоно имперской церкви потерпели поражение. *К. Н. Юзбашян* солидаризировался с мнением издателя посланий *Ж. Даррузеса* в том, что второе послание было направлено католикозу *Захарии Дзагеци* (855—876), а адресатом первого был не князь князей *Ашот Багратуни*, а неизвестный армянский князь.

И. П. Медведев (Ленинград) в своем докладе подробно проанализировал дискуссию, возникшую в зарубежной историографии по поводу социальной терминологии «Морейской хроники». Докладчик привел новые соображения в пользу того, что сведения греческой версии хроники о пронии как в период франкского завоевания, так и до него, не могут считаться бесспорно достоверными.

В докладе *С. П. Карпова* (Москва) рассматривалась организуемая венецианским государством навигация галей в Трапезунд. В качестве критерия интенсивности торговых связей взяты показатели «инканти» — регистрируемых в документах венецианского Сената сумм фрахта галей. Установлены периоды развития венецианской торговли на Понте, их соответствие с политической конъюнктурой, общим состоянием переднеазиатской торговли венецианцев.

П. И. Жаворонков (Москва) выступил с докладом «Деятельность Константина XI Ласкаря в историографии». По его мнению, Константин XI, коронованный патриархом в Константинополе в ночь с 12 на 13 апреля 1204 г., должен считаться первым императором династии Ласкарей. До конца декабря 1204 г. Константин XI находился в Никее и считался василевсом. Отстранение его от власти и провозглашение императором его брата *Феодора* (май 1205 г.) были следствием успехов последнего в борьбе с латинянами.

И. В. Соколова (Ленинград) сделала доклад «Чин стратигов византийских фем IX—первой половины X в.». В его основу было положено изучение 120 моливдовулов из собрания Эрмитажа.

Вопросы торговли и экономики Херсонеса в V в., преимущественно по данным эпиграфики, были освещены в докладе *С. А. Беляева* (Ленинград).

А. И. Романчук (Свердловск) остановилась на проблеме изучения средневековых сельских поселений на территории бывшей хоры Херсонеса. На основании археологических раскопок у пос. Заря Свободы докладчица сделала вывод о том, что в VIII—начале IX в. связи сельских поселений с городом были слабы. Деревенские ремесленники сами удовлетворяли спрос односельчан на изделия ремесла. Лишь в XII—XIII вв., когда товарно-денежные отношения становятся господствующими, происходит интенсификация этих связей.

В секции «Византия в системе международных отношений» были представлены исследования взаимоотношений Византийской империи со странами двух тесно связанных с ней регионов — славянского и закавказского. Современное состояние изученности вопроса о походах росов на Византию в первой половине IX в. было проанализировано *Д. Л. Талисом* (Москва). В докладе *Е. П. Наумова* (Москва) «Сербия и византийские государства после 1204 г. (Политические отношения, планы, теории)» изучались сербские источники по истории сербо-византийских связей начала XIII в. Автор показал важность Студеницкой надписи 1209 г. для определения позиции Сербии по отношению к византийским государствам после IV Крестового похода. *Я. Н. Шапов* (Москва) прочитал доклад «Памятники византийского права на Руси в XI—XIV вв. Состояние и задачи изучения».

Четыре доклада были посвящены политике Византии в Закавказье в XI—XII вв.: *И. М. Нодия* (Тбилиси) «Одна страница грузино-византийских взаимоотношений XI в.» и доклады *Р. М. Баргикяна* (Ереван) «Миграция армян в XI в. Причины и последствия», *В. А. Арутюновой* (Ереван) «Экспансия Византии на Востоке у армянских историков конца XI—XII вв. Трансформация представлений» и *В. П. Степаненко* (Тюмень) «Последствия Манцикертской битвы для Грузии».

В секции «Литература и язык, вспомогательные дисциплины и источниковедение» было представлено 23 доклада, посвященных самым разнообразным вопросам истории византийской и позднегреческой литературы, а также проблемам истории греческого языка, хронологии, изучения греческих рукописей и др.

Тема связи культуры Византии с античной культурой, жизни античного наследия в философии и литературе средневековой Греции исследовалась в докладах *С. С. Аверинцева* (Москва) «Неоплатоническая теория символа на переходе от античности к Византии (толкования Прокла на «Государство» Платона)» и *Т. М. Соколовой* (Москва) «Античные традиции в византийской сатире».

Изучению греческих и восточных источников, содержащих сведения о взаимоотношениях Византии и Ирана на рубеже V—VI вв., был посвящен доклад *А. А. Чекаловой* (Москва). Отметив близость сведений Иешу Стилита и Феофана, с одной стороны, и Прокопия и Псевдо-Захарии — с другой, автор делает заключение о необходимости группировать указанные источники не по языковому принципу, как это делалось прежде, а по их содержанию.

Проблема установления языка оригинала двух памятников агиографии — «Повести о Евфимии, дочери Софии, (то есть) о чуде, совершенном святыми исповедниками Гурией, Шамуной и Хабибом» и «Жития Алексея божьего человека» — изучалась *А. В. Пайковой* (Ленинград) в докладе «Сирийские источники традиционной агиографии». Сравнительный анализ сирийского и греческого текстов этих памятников привел автора к выводу о том, что обе повести были написаны сначала по-сирийски, а затем переведены на греческий.

В докладе *И. С. Чичурова* (Москва) «Легенда о Константине I как источник по истории общественно-политической мысли Византии» рассматривается историографическая традиция повествований о правлении Константина I IV—начала IX в. с точки зрения византийского варианта парадигмы идеального монарха.

Два этапа истории греческого текста «Повести о Варлааме и Иоасафе» исследовались в докладах *И. Н. Лебедевой* (Ленинград) «К литературной истории греческого текста «Повести о Варлааме и Иоасафе» и *Э. Г. Хинтибидзе* (Тбилиси) «Афонская гора как место создания и распространения «Душеполезной повести о Варлааме и Иоасафе». Предметом анализа И. Н. Лебедевой явился текст речи Нахора, во многом совпадающий с текстом сочинения II в. — «Апологии» Аристида. Автор полагает, что на основе текстологического изучения сирийской версии «Апологии», текста речи Нахора, армянского перевода первой части «Апологии», а также греческих фрагментов IV в. этого памятника можно говорить о существовании двух версий греческого текста «Апологии», причем «Повесть о Варлааме и Иоасафе» сохранила нам первичную из этих версий. В докладе Э. Г. Хинтибидзе вновь была предпринята попытка обосновать гипотезу о Евфимии Святогорце как создателе греческой версии романа о Варлааме; при этом были приведены как уже известные аргументы, так и новые соображения в пользу точки зрения автора. Появление в лемме Венецианского списка данных о переводе памятника Евфимием с грузинского на греческий Э. Г. Хинтибидзе относит ко времени между 1028 и 1048 гг.

Доклад на тему «Лексические особенности византийских стихотворных анонимных рыцарских романов XIII—XIV вв.» был прочитан А. А. Белецким (Киев). Цель исследования — установить в области лексики особенности языка романов «Каллимах и Хрисорроя», «Вельтандр и Хрисанца», «Флориос и Пладзья-Флора» и «Имбернос и Маргарона» с учетом того, что эти особенности в какой-то мере отражают общее состояние не только литературного (письменного) языка, но и разговорной речи XIII—XIV вв.

Доклад Т. Н. Чернышевой (Киев) «Фольклорный аспект критского произведения XVII в. «Жертва Авраама» начался с прослушивания записи этого критского памятника в том виде, как он сохранился до наших дней у греков Донецкой области Украинской ССР. Основу же доклада составлял анализ текста указанного произведения в сопоставлении с текстом его итальянского прототипа — трагедии Луиджи Гротто «Исаак», результатом которого явилось объяснение, с одной стороны, обилия текстуальных сходжений между «Жертвой Авраама» и народными критскими песнями, а с другой — характера расхождений текста этого памятника и произведения Л. Гротто.

Помимо названных работ А. В. Пайковой, И. Н. Лебедевой, Э. Г. Хинтибидзе, изучению проблем переводной литературы — в Закавказье и славянских странах — были посвящены доклады А. А. Симонян, Е. К. Пиотровской, Г. М. Прохорова и С. В. Поляковой.

Доклад А. А. Симонян (Ереван) «Армянский перевод «Повести об Александре Македонском» Псевдо-Каллисфена» явился результатом многолетнего изучения рукописей армянской версии указанного памятника. Армянский перевод Псевдо-Каллисфена был осуществлен в V в. XIII—XIV столетия — время своеобразной литературно-художественной обработки «Повести», когда в ее прозаический текст влетают особые четверостишия — песни с определенными метрическими особенностями, так называемые кафы. Исследование армянских списков памятника с кафами и было предметом специального анализа в докладе А. А. Симонян.

Вопросы истории славянского перевода «Летописца вскоре» патриарха Никифора нашли свое отражение в докладе Е. К. Пиотровской (Ленинград) «О времени перевода «Летописца вскоре» патриарха Никифора на славянский язык». Выявив и изучив более 50 русских списков XIII—XIX вв. текста памятника, сопоставив его с текстом греческого оригинала, хронологическими выкладками «Изборника Святослава» 1073 г. и сочинением Кирика Новгородца, Е. К. Пиотровская, во-первых, исключила рассматриваемые тексты «Изборника» и сочинения Кирика из числа памятников, связанных с переводом «Летописца вскоре», а во-вторых, пришла к выводу о появлении сочинения Никифора среди первых переводных памятников славянской письменности в конце IX—начале X вв., о связи текста «Летописца вскоре» с историей кормчих книг на Руси.

Исследованию жизни сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита на русской почве был посвящен доклад Г. М. Прохорова (Ленинград). На конференции был зачитан также доклад С. В. Поляковой (Ленинград) «Украинские реплики византийской легенды о Марии Египетской».

Изучение памятников средневековой грузинской письменности дало материал для интересных наблюдений над произношением византийского греческого XI—XIII вв., которые были изложены в докладе Н. А. Махарадзе (Тбилиси).

Сложные вопросы истории календаря на христианском Востоке исследовались в докладе П. М. Мурадяна (Ереван) «Цикл Эаса Александрийского и начало армянской эры». Изучив данные нарративных источников, памятные записи армянских рукописей, многочисленные надписи, докладчик выявил особенности летосчисления по армянским источникам, отметил ошибки в интерпретации хронологических данных, существующие в работах специалистов, создал базу для правильного истолкования хронологии памятников письменности христианского Востока VII—XV вв.

Большой интерес у участников конференции вызвало сообщение Я. Н. Любарского (Ленинград) о новой рукописи «Истории» Михаила Пселла. Рукопись была обнаружена несколько лет тому назад в Ватиканской библиотеке П. Шрайнером, который передал все материалы для исследования Я. Н. Любарскому. В докладе были изложены итоги предварительного обследования текста Ватиканского списка.

В докладе *В. Д. Лизачевой* (Ленинград) «Императорский скрипторий и его роль в оформлении константинопольских рукописей конца XI в.» были изучены иллюминированные рукописи, вышедшие во второй половине XI столетия из книгописной мастерской василевсов, а также написанные в столичных скрипториях по заказу императоров. В этой связи докладчицей предлагается расширить понятие «императорский скрипторий», включив в него тесно связанные с дворцом другие книгописные центры Константинополя.

Вопросы книжного дела в Византии и Греции послевизантийского периода исследовались также в докладах *З. Г. Самодуровой* (Москва) «Краткая хроника из греческой рукописи № 406 Исторического музея в Москве» и *Б. Л. Фонкича* (Москва) «О происхождении Ленинградского списка Хроники Михаила Глики».

Второй доклад *И. П. Медведева* (Ленинград) на этой конференции был посвящен вопросу о солнечном культе в философии Плифона. Полемизируя с Э. Гареном, который называет Плифона «пророком и верховным жрецом» соляристской идеологии в эпоху Ренессанса, а его религиозный культ — «платонизирующим солнечным культом», И. П. Медведев показал, что для такого вывода нет оснований.

В докладе *О. А. Белобровой* (Ленинград) «Кипр и Московская Русь» были изложены результаты всестороннего обследования всех без исключения памятников письменности (литературные произведения, «Греческие», «Крымские», «Турецкие» и др. дела ЦГАДА, переводы) и материальной культуры, свидетельствующих о связях Кипра со средневековой Россией. Одно из интересных направлений в изучении данного вопроса, которое разрабатывается О. А. Белобровой, — выявление и исследование разнообразных памятников материальной культуры кипрского происхождения, хранящихся в музеях СССР.

В. А. Сметанин (Свердловск) в докладе «О трех ступенях эпистолографического исследования» обосновал необходимость выделения эпистолографии как новой вспомогательной исторической дисциплины и предложил методiku изучения и введения в научный оборот памятников эпистолярной литературы.

В докладе *С. Б. Авруниной* (Ленинград) «Всесоюзные византиноведческие конференции» была раскрыта одна из страниц истории советского византиноведения, проанализирована работа десяти всеююзных сессий (1944—1975 гг.).

На заключительном пленарном заседании 5 ноября с докладом «Отличительные черты византийской культуры XI—XII вв.» выступил *А. П. Каждан* (Москва). В разработке истории византийской культуры, указал докладчик, следует переходить от обособленного изучения разнородных видов деятельности, жанров к созданию «целостной» картины культуры, где разнородные элементы и категории были бы связаны общим принципом. Такой принцип — человек как мера культуры, а человек воспринимает окружающий его мир в комплексе. Докладчик на многочисленных примерах показал неверность традиционного представления о неизменности византийской культуры. Культура IX—X вв. характеризуется предельным выражением византийской «таксис», систематизацией и упорядочением всех основных явлений социо-культурной жизни. В XI в. начинается критика этой «таксис» со стороны мистики и рационализма. В XI—XII вв. возникают социально-экономические предпосылки византийского предренессанса. Прослеживаются элементы демократизации культуры с параллельным усилением аристократических тенденций, с конца XI в. имеют место жанровые сдвиги. Особенности византийской культуры XI—XII вв. — в сочетании архаизма и новаторства. Основные принципы традиционного мировоззрения еще не подорваны. С конца XII в. они даже вновь дают о себе знать с новой силой.

Интересные сообщения «Византийская выставка в Эрмитаже» и «Новые открытия в Херсонесе» сделали *А. В. Банк* (Ленинград) и *С. А. Беляев* (Ленинград).

Итоги работы конференции были подведены руководителями секций, единодушно отметившими, что конференция проходила на высоком научном уровне, в значительной мере определила перспективы византиноведческих исследований на последующий период. X Всесоюзная конференция византинистов в Москве продемонстрировала успехи советского византиноведения накануне XV Международного конгресса византинистов в Афинах.

С. П. Карпов, Б. Л. Фонкич